

Р. Дмовский родился 9 августа 1864 г. в многодетной семье мелкого предпринимателя из Варшавы. Детство будущего лидера польской национал-демократии прошло в атмосфере жесткой политики русификации, проводимой Российской империей на территории бывшего Царства Польского после неудачного для поляков Январского восстания 1863–1864 гг. Окончил Варшавскую гимназию, в 1890 г. естественный факультет Варшавского университета; кандидат естественных наук. Продолжил обучение в Сорбонне. Свою политическую деятельность Р. Дмовский начал во второй половине 1880-х гг. будучи уже студентом естественного факультета Варшавского университета. Он участвовал в деятельности подпольной студенческой организации «Союз польской молодежи “Зет”» (Związek Młodzieży Polskiej «Zet»). Был организатором студенческой уличной манифестации в сотую годовщину Конституции 3 мая 1891 г. Подвергся трехмесячному тюремному заключению в варшавской Цитадели, затем был выслан в Митаву (ныне Елгава). В 1893 г. вместе с другими деятелями буржуазно-национального движения организовал «Лигу Народову» («Национальная лига», «Liga Narodowa»). Из Митавы тайно перебрался во Львов (1895). Возглавил «Лигу Народову», преобразованную в 1897 г. в Национал-демократическую партию. С этого момента и до самой смерти в 1939 г. Р. Дмовский оставался главным идеологом «эндеции» и одним из ее несменных лидеров [12, с. 166]. Это был интереснейший человек своего времени, который выделялся своей масштабностью. Учитывая сложившуюся расстановку сил в Европе на рубеже XIX–XX вв., Р. Дмовский создал единственную в тогдашней польской политической мысли «инкорпорационную» модель восстановления польской государственности («федеративная» концепция Ю. Пилсудского возникает позже) на основе «польской национальной идеи». На протяжении почти всего периода своей политической деятельности Р. Дмовский особое внимание уделял проблемам христианства и сформулировал позицию национал-демократии к религии, в частности к католицизму.

Деятельность Р. Дмовского и как организатора, теоретика, идеолога польского национально-демократического движения, и как активного практика, безусловно повлияла на расстановку политических сил в польском общественно-политическом движении на белорусско-литовских землях. Принятая программа национальной демократии (1903) позволили ей более последовательно определить политическую стратегию и тактику в Литве и Беларуси [13]. А это привело к укреплению позиций национальной демократии в среде различных слоев польского общества Литвы и Беларуси: интеллигенции, клира, буржуазии, представителей землевладельцев. Ближайшую цель партия видела в организации широкого отпора ассимиляции польского населения царской политикой в крае; сохранении и приумножении своеобразия польской культуры; развитии местного и краевого самоуправления. Отказ национальной демократии в программных документах от активной борьбы за независимость Польши привел к тому, что часть пред-

ставителей этой партии в Беларуси и Литве стали симпатизировать сторонникам польской социалистической партии.

Список использованных источников

1. Kwartalnik Historyczny. – 1973. – № 4.
2. Литвинёнок, Р. Польское общественно-политическое движение в Литве и Беларуси. Характеристика и анализ на рубеже XIX–XX вв. / Р. Литвинёнок – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 193 с.
3. Jastrzembiec, J. (Popławski J.) Z całej Polski / J. Jastrzembiec // Przegląd Wszepolski. – 1902. – № 1.
4. Dokumenty do historii Ligi Narodowej // Niepodległość. – Warszawa, 1934. – Т. IX. – 111 с.
5. Popławski, J. Nasze siły w kraju Zabranym / J. Popławski // Pszegłąd Wszepolski. – 1902. – № 6.
6. Do braci Polaków z Białej Rusi. – Tarnów: Biblos. s. a.– 1902. – 18 s.
7. Obowiązki Polaka w Kraju Zabranym // Noworocznik Litewski. – Lwów, 1903. – 120 s.
8. Myśli nowoczesnego Polaka. – Lwów: Gumbrynowicz i Szmidt, 1904. – 14 s.
9. Przegląd Wszepolski. – 1896. – № 11
10. Narodowiec (Dmowski R.). W naszym obozie. Listy do przyjaciół politycznych // Przegląd Wszepolski. – 1901. – № 10.
11. ЦБАН Литвы. Рукописный отдел. – Фонд 64. – Д. 122. – Л. 6.
12. Brzoza, Cz. Posłowie polscy w parlamente Rosyjskim, 1906–1917 / Cz. Brzoza, K. Stepan // Słownik biograficzny. – Warszawa, 2001 – 220 s.
13. Program Stronnictwa Demokratyczno Narodowego w zaborze rosyjskim // Pszegłąd Wszepolski. – 1903. – № 10.

(Дата подачи: 20.02.2015 г.)

А. А. Любая

Республиканский институт высшей школы, Минск

A. A. Liubaya

National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 947.6

ДЕЛО «МАРТЕНА ГЕРРА» ИЗ ТРОЦКОГО ПОВЕТА (СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI ВЕКЕ)

A CRIMINAL CASE BY «MARTEN GERR» FROM TROCKIJ POVET (TOOLS AND METHODS OF PERSON IDENTIFICATION IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE XVI CENTURY)

В статье рассматривается вопрос о так называемом «феномене Мартина Герра» – мотивах сокрытия личных данных и способов судебного разоблачения подобного обмана в раннее Новое время на территории Восточной Европы. На материале Метрик Великого Княжества Литовского показаны взаимоотношения между феодалами татарского происхождения и их христианскими подданными, судебные процедуры, инспирированные великокняжеским судом, проведение дознания и итоги дела.

Ключевые слова: идентификация личности; великокняжеский суд; татарские князья; крестьяне; Великое Княжество Литовское.

In article the author raises the question of the so-called phenomenon of «Marten Guerre». By this term are understood the motives and means of identity and legal ways to solve this problem in the Grand Duchy of Lithuania in the early Modern times.

Key words: person identification; the Grand Duke's court; Tatar princes; peasants; the Grand Duchy of Lithuania.

Идентификация единичной личности, информация о которой в наш век технологий и бюрократии сотни раз дублируется на бумажных и электронных носителях, многие столетия и даже тысячелетия осуществлялась только на основе свидетельских показаний других людей – близких и соседей. В условиях средневековых закрытых и маломобильных сообществ: традиционной небольшой сельской общины, городской корпорации и монастыря – обычно этого было вполне достаточно. Сложности начинались только в формальных обстоятельствах. Например, установить личность и отдельные факты биографии странствующих рыцарей, пилигримов, купцов, авантюристов всех мастей за пределами их «родового гнезда» было достаточно сложно. В большинстве случаев единственным источником информации являлись слова самого человека. И хотя средневековая христианская культура серьезно ограничивала вариативность самоидентификации человека, жестко регламентируя его место в социальной иерархии и осуждая ложь как таковую, соблазн приукрасить свой жизненный опыт был достаточно велик. Иногда такие «преувеличения» приводили к ситуации, которую мы в сегодняшних терминах назвали бы полной или частичной кражей личности.

Наиболее известным примером такой кражи является история, приключившаяся с французским крестьянином Мартеном Герром в середине XVI в. События его жизни были настолько удивительны и необычны, что уже в XX в., по прошествии пятисот лет, этот случай получил обширное освящение в документальной и художественной литературе, а также в кино и музыкальной индустрии. Особую популярность снискали фильм «Возвращение Мартена Герра» (1982 г.), главную роль в котором сыграл знаменитый французский актер Жерар Депардьё, а также одноименная документальная книга американско-канадского историка Натали Земон Дэвис [1], которая являлась консультантом на съемках этого фильма.

Не вдаваясь в подробности сюжета, наверняка известного широкому кругу исследователей раннего Нового времени, история Мартена Герра выглядит следующим образом. В 1548 г. французский крестьянин Мартен Герр, двадцати четырех лет от роду, покинул родную деревню из-за обвинений в краже, оставив жену и ребенка. Через восемь лет в эту деревню явился авантюрист Арно дю Тиль, внешне очень похожий на Герра. Он сумел успешно обмануть окружающих и три года прожил под именем Мартена. Жена Герра не была до конца уверена в личности «мужа», но, в силу разных обстоятельств, не высказывала своих сомнений. Однако со временем подо-

зрения возникли у соседей, что, в конечном счете, привело самозванца под суд, вызвавший большой резонанс. Во время суда вернулся настоящий Мартен Герр, и авантюрист отправился на виселицу.

На наш взгляд, необычность этой истории и широкий резонанс, который она вызвала как во французском обществе XVI в., так и среди историков в XX в., позволяет группировать подобные сюжеты, связанные с кражей личности в Средние века и раннее Новое время, под общим определением «феномен (или синдром) Мартена Герра». А такие истории, несмотря на атипичность ситуации, время от времени происходили в разных частях христианского мира. Нечто подобное случилось и в Великом Княжестве Литовском. И хотя «наша» история не получила столь драматической развязки в виде публичной казни, впечатляет её масштаб – «сменить» личность пытались жители целой деревни в Высокодворской волости Троицкого повета.

Цепь событий, приведшая к такому необычному поведению жителей целой деревни, начинается за шесть лет до рождения Мартена Герра в канцелярии великого князя литовского Жигимонта Старого с вполне рутинного дела. 12 июня 1518 г. писарю и татарскому маршалку Абрагиму Тимирчичу было выдано подтверждение на владение недвижимым имуществом. Среди прочего подтверждались его права на владение дворцом Красное село в Троицком повете, семью службами людей Жигорянцов в Высокодворском повете, а также на некоторые другие пустоши и земли, полученные за многолетнюю дипломатическую службу [2, р. 39–40; 3, р. 54–55]. Следует отметить, что Абрагим Тимирчич из рода князей Юшинских был примечательной личностью. Он родился в семье татарских мигрантов «первой волны», которые переселились в Великое Княжество Литовское еще во времена великого князя Витовта. Его отец служил татарским писарем в канцелярии великого князя Казимира [4, р. 354], что, безусловно, облегчило карьеру амбициозного и талантливого татарского аристократа. За время государственной службы он поднялся от должности толмача до полномочного посла великого князя литовского. Все татарские правители начала XVI в.: и крымский хан Менгли-Гирей, и последний большеордынский хан Ших-Ахмет, и ногайские мурзы – просили прислать им в качестве посла именно князя Абрагима. Он также являлся исламским духовным лидером – муллой (имамом). Возможно, что Абрагим Тимирчич первый имам на территории Великого Княжества Литовского, имя которого сохранилось до наших дней в источниках. В 20-е гг. XVI в. авторитет князя Абрагима был настолько велик, что он фактически возглавил татарскую общину в Великом Княжестве Литовском. Вполне естественно, что за время службы он получил большие земельные владения: «3 людьми и 3 землями пашными и сеножатми, и с пустошьнами, и с озерами, <...> и 3 дяклы, <...> на вечно» [2, р. 40; 3, р. 55].

А вот в выдаче подобного привилегия ничего примечательного или необычного не было. Великокняжеская канцелярия постоянно выдавала подобные

документы. Оригиналы владельческих грамот на земли в Великом Княжестве Литовском, как правило, хранились у собственника, но в случае необходимости их копииможно было получить в канцелярии на основании метрических записей о выдаче оригиналов [5, с. 49]. Вероятнее всего, князь Абрагим, как рачительный хозяин, стремился еще раз подтвердить права на свои владения в едином документе. У него имелись отдельные грамоты на каждое земельное пожалование («и на всё то листы, данину нашу первую, перед нами всказывал») [2, р. 39; 3, р. 54]. Но, по всей видимости, он считал, что лучше иметь еще одно зафиксированное в книгах Метрики подтверждение от имени великого князя литовского на случай форс-мажорных обстоятельств, которое и было выдано по его просьбе 12 июня 1518 г. И, как мы убедимся, Абрагим Тимирчич оказался на удивление дальновидным человеком.

Неприятности с именем в Высокодворской волости начались через несколько лет после его смерти, которая произошла в 1530 г.¹ По всей видимости, многочисленные наследники не имели такого авторитета, которым обладал сам князь Абрагим. Оставленные им в наследство земельные владения стали общей нераздельной собственностью его двух сыновей – Обдулы и Османа, а также внука Мамаю, который был наследником уже умершего к тому моменту Олейко (Али?) Абрагимовича [7, р. 245]. Однако через некоторое время после смерти отца их семь крестьянских служб вместе с землей в Высокодворской волости были присоединены к Высокодворскому великокняжескому дворцу по решению пана Станислава Довгирдовича, занимавшего должность высококодворского наместника [7, р. 245–246].

Такое развитие ситуации с наследуемым имуществом было не редкостью. Пользуясь неразберихой с документами или давностью прецедента, соседи или местные власти часто выставляли претензии к новым собственникам. Об этом свидетельствуют многочисленные разбирательства, сведения о которых сохранились в том числе и в Метрике Великого Княжества Литовского.

Татарский князь Обдула от своего имени и имени своих родственников – брата Османа и племянника Мамаю Олейковича тоже обратился с жалобой великому князю литовскому и королю Жигимонту Старому [7, р. 246]. По этой жалобе было назначено разбирательство, на котором и всплыли удивительные обстоятельства.

Наместник высококодворский Станислав Довгирдович представил перед великокняжеским судом трех человек из Высокодворской волости: Стася Вискаревича, Шимко Юшковича и Клима Янковича [7, р. 246]. Именно из-за них разгорелся спор между татарами и высококодворским наместником. Он утверждал, что людей по прозвищу Жигорянцы, данных около тридцати лет

¹ В 1529 г. выносится судебное решение в пользу князя Абрагима по обвинению его в измене. А в октябре 1530 г. мандат на хорунжество, которым раньше руководил сам Абрагим, получает его сын Обдула Абрагимович [6, р. 643–644].

назад князю Абрагиму, он не изымал, а забрал взятых «без данины», т. е. незаконно, людей по прозвищу Кутовтовичи [7, р. 246].

На это заявление татарские князья представили документы, подтверждающие их право владения на «семь служобъ людей в Высокодворской волостина имя жикгоранцовъ, зъ их землями и з службами, а тры земли пустовъскиѣ, тых жо людей на имя Петровъщину а Яцковъщину, Медведовъщину, а к тому в Сомилишъской волости – также три земли пустовъских на имя Рымъкголовщину а Абимовъщину, а Вяловъщину, а в Троцкомъ повете – землицу татарскую Трыбовъщину, а в Сомилиской волости пустовъщину – Мелевъщину, а у Ввысокодворской волости – Сурядовъщину, со всѣмъ с тымъ, якъ ся оныи земли в себе мають» [7, с. 246]. На этом основании они просили оставить людей при них. Но приведенные высококодворским наместником свидетели заявили, что они не имеют отношения к Жигорянцам, переданным много лет назад князю Абрагиму, и всегда относились к Высокодворской волости. Они утверждали, что своих людей Жигорянцов князь разогнал, а их, Кутовтовичей, к своим владениям присоединил. Якобы, они немало времени ему служили, пока не узнали, что в великокняжеской грамоте их имена не перечислены. Поэтому дальше служить они уже не хотели.

Вот тут и пригодилась привычка князя Абрагима подстраховывать все сделки большим количеством документов. Князья Юшинские предоставили «лист короля Алексакадра», в котором было указано, что высококодворский человек по имени Юшко Жигорянец выпросил у короля «пустувщину Мелведовщину в Высокодворской волости» [7, с. 246]. Когда этот человек был отдан Абрагиму Тимирчичу, он отдал князю и лист на землю. Далее татарские князья показали, что человек, который назвался Шимко Кутовтович, и есть сын того Юшко Жикгоревича [7, с. 246]. На вопрос, как отца звали, Шимко признался, что «иж есть сынъ Юшковъ» [7, с. 246]. В результате судебное разбирательство уперлось в вопрос идентификации личности семи человек, которые долгое время – как минимум два десятилетия (sic!) – проживали в Высокодворской волости Троцкого повета. Король Жигимонт Старый подтвердил привелеи князей Юшинских [7, с. 246–247], но необходимо было убедиться, что в их владениях нет никаких господарских людей. Поэтому король велел выехать на «место» высококодворскому наместнику пану Станиславу Довгирдовичу и представителю татарских князей ключнику троцкому пану Величко Дьяковичу [7, с. 247].

Возникшая ситуация сама по себе достаточно странная – почему возникли сложности с определением происхождения людей, хорошо известных (судя по обстоятельствам разбирательства) как местным служебникам, так и собственникам земли? И какая серьезная причина могла принудить закрепленных за землей крестьян избегать службы у прежних хозяев?

Дать однозначный ответ на эти вопросы крайне сложно. Но внимание привлекает тот факт, что активную, если не определяющую, роль в данном

конфликте занимает представитель местных органов власти – высокодворский наместник Станислав Довгирдович. Вряд ли без его участия крестьяне могли «узнать», что Кутовтовичи не перечислены в великокняжеском привелее, и составить грамотную линию поведения, связанную со сменой личности. С другой стороны, не приходится сводить все причины судебного разбирательства только к самоуправству местного урядника, решившего по случаю увеличить доходность отдельно взятого великокняжеского имения. В конце концов, без желания самих Жикгоренцев «сделать» из них Кутовтовичей было бы достаточно проблематично: насколько бы ни были неглубокими вертикальные родовые связи в неписьменной крестьянской среде, совершенно невероятно, чтобы люди не помнили, как звали их родителей.

Решение этих вопросов может скрываться в негативных этноконфессиональных стереотипах, бытовавших в толерантном мультикультурном обществе Великого Княжества Литовского XVI в. В историографии бытует мнение о бесконфликтной и мягкой интеграции татарских иммигрантов в социум Великого Княжества Литовского. Однако это не вполне отвечает реальному положению дел. В частности, католическая церковь оказывала значительное противодействие этому процессу. Именно влиянию католической церкви приписывают включение в текст Статута 1529 г. дискриминационных статей. Например, пятый параграф восьмого раздела запрещает допускать к свидетельствованию иноверцев – евреев и татар [8, с. 208]. И хотя на практике эта норма не применялась, она является очевидным свидетельством той дани, которую общество отдавало ортодоксальной христианской догматике. По этим же соображениям был принят и пятый параграф одиннадцатого раздела, который прямо запрещает татарам и евреям иметь в собственности невольников христианского вероисповедания [8, с. 231]. Католическая церковь опасалась возможности, пусть и гипотетической, насильственного обращения лично зависимого населения.

Можно предположить, что подобные опасения могли стать мотивом для крестьян князей Юшинских. Поскольку сельское население, проживавшее на земле феодала в Великом Княжестве Литовском, не являлось лично зависимым, то нормы Статута, ограничивавшие имущественные права мусульман, на него не распространялись. В то же время стереотипность мышления у оседлого крестьянского населения была выше, чем у шляхетского сословия. В начале XVI в. татары совершали регулярные нападения на Великое Княжество Литовское. И хотя до Троцкого повета их набеги не доходили, целиком могло иметь место устойчивое неприятие татар, без разделения на своих и чужих.

Так или иначе, разбирательство с целью идентификации населения, проживавшего в имении князей Юшинских в Высокодворской волости, и определения законности владения ими было перенесено «на местность». Отправленные в Троцкий повет пан Станислав Довгирдович и пан Величко Дьякович должны были осмотреть всех людей, называемых Жикгоренцами.

В случае обнаружения Кутовтовичей или иных людей, не данных князьям Юшинским им по привелею, перевести этих крестьян в Высокодворскую волость. Но в случае, если князья смогли бы доказать, что лица, называвшие себя Кутовтовичами, на самом деле являются Жикгоренцами, и никаких других Кутовтовичей в их владениях не обнаружиться, надлежит разрешить татарам держать этих крестьян в соответствии с привилеем, данинами и королевским подтверждением.

Эта процедура заняла некоторое время. На следующем заседании суда, рассматривавшем это дело, из двух господарских комиссаров выступил только один пан Величко Дьякович [7, с. 247], высокодворский же наместник к этому времени умер. Возможно, смерть последнего в какой-то степени и предопределила исход дела. Пан Величко Дьякович засвидетельствовал, что вместе с паном Станиславом Довгирдовичем, пока тот еще был жив, он ездил в имение князей Абрагимовичей и осмотрел всех, кого те держали в соответствии со своим привилеем. Никаких людей, принадлежащих Высокодворской волости, у татарских людей не нашли, только Жикгоренцев, описанных им по привелею: Стася Вискоревича, Шимко Юшковича, Клима Янковича с братьями, Петраша Богдановича, Станислава Хвилевича, Матяя Стецковича, а также Носа Ролкевича с братьями [7, с. 247]. К сожалению, в пересказе содержания привилея, выданного князю Абрагиму Тимиричу в 1518 г., который сохранился в Метрике Великого Княжества Литовского, «семь служобъ людеи в Высокодворской волостина имя жикгоранцовъ» не персонифицированы [2, р. 40; 3, р. 55]. Поэтому у нас нет возможности не только проверить тщательность проведенного судебного расследования, но даже сверить поименные списки людей, личности которых было необходимо установить. Приходится доверять сказанному. В ходе следствия татарские князья привели множество свидетелей из числа шляхты Троцкого повета из Сомилишек: Яна Воитковича, Юшко Ивашковича, Степана Николаевича, Станислава Монтгирдовича, Пера Матиевича, Станислава Хршоновича, Яна Ходоровича, Яна Мацковича, которые подтвердили, что князья Абрагимовичи держат только своих людей Жикгоренцев, а Кутовтовичей либо иных людей из Высокодворской волости у них нет [7, с. 247]. На этом свидетели хотели присягнуть, но другая сторона – высокодворские люди, с которыми спорили Абрагимовичи, отказалась приводить их к присяге [7, с. 247]. На этом юридические возможности отстоять свою точку зрения у упрямых крестьян Жикгоренцев-Кутовтовичей, по всей видимости, закончились (возможно, это произошло из-за смерти их покровителя).

В итоге работы королевских комиссаров, опросивших свидетелей, осмотревших спорных людей и выслушавших татарских князей, троцкому ключнику Величку было приказано «увезать» людей в соответствии с первой даниной и подтверждением. Запись об этом была внесена в книги Метрики Великого Княжества Литовского 17 октября 1536 г. с подробным пересказом всех предшествующих событий [7, с. 247].

Эта история еще раз показывает, что мы плохо представляем сложные социальные и этноконфессиональные отношения в средневековом обществе, а также мотивацию поступков людей того времени, которые имели совершенно иную логику, нежели в настоящее время. Несмотря на исключительность юридического прецедента, связанного с идентификацией личности крестьян целой деревни, мы можем свидетельствовать, что в ходе разбирательства был выработан достаточно эффективный механизм. Сначала был установлен сам факт существования «пропавших» Жикгоренцев на основании предыдущих пожалований великих князей литовских Александра и Жигимонта Старого, затем фактически была проведена очная ставка «потерпевших» татарских князей Абрагимовичей-Юшинских с «подозреваемыми» Кутовтовичами, а также учинен допрос последних на предмет установления их родства с «пропавшими» Жикгоренцами. Для полного восстановления «картины преступления» господарские комиссары выехали на «место преступления», где опросили свидетелей, лично знавших и «пропавших», и «подозреваемых», и «потерпевших» из числа шляхты Троцкого повета.

Список использованных источников

1. Davis, N. Z. The Return of Martin Guerre / N. Z. Davis. – Cambridge: Harvard University Press, 1983. – 176 p.
2. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. – Kn. 10 (1440–1523) / parengė E. Vanionis ir A. Baliulis. – 179 p.
3. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. – Kn. 11 (1518–1523) / parengė A. Dubonis. – 228 p.
4. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. – Kn. 7 (1506–1539) / parengė I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius. – 1012 p.
5. Менжинский, В. С. Документальный состав Книг записей Литовской Метрики за 1522–1552 гг. / В. С. Менжинский // Литовская метрика. Исследования 1988 г.: сб. ст. / сост. Э. Банионис, З. Кяупа. – Вильнюс: Academia, 1992. – С. 46–70.
6. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-rusey od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. – 670 s.
7. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. – Kn. 19 (1535–1537) / parengė D. Vilimas. – 362 p.
8. Лазутка, С. Первый Литовский Статут (1529 г.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичус. – Вильнюс: Margi raštai, 2004. – 522 с.

A. U. Liuby

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. U. Liuby

Belarusian State University, Minsk

УДК 930

ЯГЕЛОНІКА ХХІ СТАГОДДЗЯ: МАКРАПРАЕКТЫ ПА ГІСТОРЫІ ДЫНАСТЫІ І РЭГІЁНА Ў ЕЎРАПЕЙСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

JAGIELLONICA XXI CENTURY: MACROPROJECTS ON THE HISTORY OF THE DYNASTY AND THE REGION IN THE EUROPEAN HISTORIOGRAPHY

Артыкул прысвечаны гісторыі вывучэння ў пачатку ХХІ в. дынастыі Ягелонаў: палітычным, эканамічным і культурным пераўтварэнням у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў канцы Сярэднявечча – пачатку Новага часу. Разглядаюцца такія навуковыя цэнтры, як Варшава, Лейпцыг і Оксфард, і іх макрапраекты, прысвечаныя часу кіравання Ягелонаў у дзяржавах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Адзначаюцца станоўчыя і адмоўныя бакі ў падобных даследаваннях, ацэньваецца індывідуальны ўклад і калектыўная папулярнасць культурнай спадчыны Ягелонаў на сучасным этапе.

Ключавыя словы: дынастыя Ягелонаў; Цэнтральная і Усходняя Еўропа; гістарычная памяць; цэнтральнаеўрапейская і заходнееўрапейская гістарыяграфія.

The article deals with a history of the Jagiellons dynasty investigation at the beginning of the XXI centuries: political, economical and cultural changing taken place in Central and Eastern Europe at the end of Middle Age – early Modern Times. The object of the study is such scientific centers as Warsaw, Leipzig and Oxford (macro projects concerning Jagiellons' ruling period in the Central and Eastern Europe). Positive and negative sides of the same project are analyses in the article. The author gives estimation an individual and collective contribution in to popularization of the Jagiellons cultural heritage at the present time.

Key words: Jagiellons dynasty; Central and Eastern Europe; historical memory; Central and Western European historiography

Даследаванне эпохі Ягелонаў, якое з новай сілай распачалося ў сучасных цэнтральна- і ўсходнееўрапейскіх гістарыяграфіях пасля 1989 г. да сённяшняга дня памяняла некалькі кірункаў дыскурсаў і пашырыла праблемнае поле, акрэсленае даследчыкамі ХХ ст. Папярэдняя эпоха дазволіла сфармуляваць такія базавыя паняцці, як «Ягелонская ідэя» (Оскар Халецкі) і «Эпоха Ягелонаў» (Аляксандр Гейштар), «залаты век» і інш. Пераважна, гэтыя распрацоўкі былі звязаны з польскай, венгерскай і чэшскай нацыянальнымі гістарыяграфіямі, што, безумоўна, залежыла ад пераасэнсавання месца і ролі дзяржаўнасцяў гэтых нацый у рэгіёне ў пачатку Новага часу.

Вялікая роля ў абуджэнні цікаўнасці да праблематыкі развіцця дынастыі і культуры эпохі Ягелонаў звязана з пераглядам іх палітычнай спадчыны ў XV ст. і XVI ст., сістэматызацыяй звестак па дыпламатыі, дынастычнай стратэгіі, генеалогіі, інтэлектуальнай гісторыі, гісторыі штодзённасці і макрагісторыі, кірункаў у метадалогіі, якія развіваюцца ў гістарычнай навуцы ў канцы ХХ ст.

Заходнееўрапейская гістарыяграфія пачынае зазіраць у «ягелонскую» праблематыку пераважна дзякуючы актыўнай папулярнасці міждынастычнай кампаратывістыкі. Менавіта прадстаўнікі польска-літвінскай дынастыі Ягелонаў супрацьпастаўляюцца аўстрыйскім Габсбургам, а ўжо ў пачатку ХХІ ст. пафасна называюцца «Цюдарамі Цэнтральнай Еўропы» («Tudors of Central Europe») [18].

Усходнееўрапейская гістарыяграфія дастаткова стрымана аднеслася да ідэі макрагістарычнага кампаратыва і ў 1990-я гг., і напачатку ХХІ ст.